

ДА ЧЕРТ ЛИ В ДЕТАЛЯХ?.. МЕРА ДЛЯ ОЦЕНКИ СОВПАДЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ИДИОСТИЛЯ В ТЕКСТАХ ОДНОГО — ИЛИ ДВУХ РАЗНЫХ? АВТОРОВ (Агеев — Сирин/Набоков — Леви)¹

Михеев М. Ю. (m-miheev@rambler.ru)

НИВЦ МГУ, Москва, Россия

Рассматривается гипотеза Н. Струве о том, что автором текста «*Роман с кокаином*» (опубликованного в 1936 под псевдонимом М. Агеев) был В. Набоков. Сравниваются некоторые идеостилевые черты этого произведения и всех текстов Набокова, а также то, что имеется в Национальном корпусе русского языка (опубликованное как до выхода произведений Агеева и Набокова, так и после). Общий итог — в пользу того, что Набоков к этому тексту, скорее всего, все-таки непричастен. Никита Струве отверг биографические аргументы и потребовал, чтобы ему были предъявлены именно аргументы «филологические», — литературоведческого, или поэтического, характера. Таковые здесь и рассматриваются.

Ключевые слова: поэтические приемы, идиостиль писателя, уникальные словосочетания, текстовые конструкции, архаизмы, авторские неологизмы, установление авторства

THE DEVIL IN THE DETAILS THERE?.. MEASURE TO ASSESS THE MATCH IDIOSTYLE ELEMENTS IN THE TEXTS OF THE SAME — OR TWO DIFFERENT? AUTHORS (Ageev — Sirin/Nabokov — Levi)

Mikheev M. Yu. (m-miheev@rambler.ru)

NIVC MGU, Moscow, Russia

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13-06-00402.

We analyze N. Struve's hypothesis that the author of the text of *The romance with cocaine* (published in 1936 under the pseudonym M. Ageev) was Vladimir Nabokov. We compare the idiostyle features of this text and all of Nabokov's texts, as well as what is available in the Russian National Corpus, published before the Ageev and Nabokov works and after them. The general conclusion is that Nabokov seems not to be involved in this text. This problem was stated by Nikita Struve, who rejected biographical arguments and required that "philological", literary or poetic arguments should be given. We consider all of these arguments.

Keywords: poetic techniques, idiostyle, unique phrases, textual constructions, archaisms, neologisms, attribution

Вся набокковская поэтика зиждется
на тропе уточнения... (Ив. Толстой)

Попытаюсь решить задачу, поставленную Никитой Струве, который отверг аргументы Габриэля Суперфина и Марины Сорокиной, приведенные ими в пользу того, что автором повести «Роман с кокаином», скрытым за псевдонимом М. Агеев², никак не мог быть Владимир Набоков, а был, на самом деле, некий практически ничего более не написавший — Марк Людвигович (или Лазерович) Леви (или Левит)³. Как известно, Струве потребовал от своих оппонентов, чтобы ему были предъявлены не биографические и не «краеведческие» факты — то, что, например, Набоков прекрасно знал Петербург, где прожил до своего отъезда в Берлин, но не Москву, которая в подробностях описана в повести; или что, например, по сохранившимся в архивах документам многие из лиц, чьи имена даны в тексте и которые в самом деле обучались или преподавали в конкретное время в соответствующей гимназии как соученики автора или его преподаватели⁴, но — именно «филологические» аргументы, литературоведческого, поэтического характера. На этот «вызов» Суперфин и Сорокина не ответили. Попытался ответить вместо них — Иван Толстой. Многие его аргументы действительно основательны⁵, но не со всем и у него можно

² С написанием первого Е как Ять.

³ *Сын газетного 1-й гильдии купца* (Суперфин, Сорокина 1994: 263).

⁴ Суперфин считает, что сюжет «Романа...» носит явно автобиографический характер и что художественный текст этого автора более документален, чем любые исходящие от него официальные материалы (там же, с. 268–9).

⁵ «Отметим прежде всего главный порок «Романа с кокаином» — книга Агеева в каждом своем слове серьезна, исповедальна, ибо лишена чувства юмора. (...) [это] — плоский автор с выраженной склонностью к многословию и общим местам» (Толстой 1995: 198).

согласиться⁶. Ниже я рассмотрю некоторые уже обсуждавшиеся критиками слова и выражения двух авторов и хотел бы привести несколько новых, усиливающих ту или другую позицию.

Перед нами, с одной стороны, литератор-любитель Агеев-Леви, опубликовавший всего лишь только одну, сделавшую его знаменитым (хотя и посмертно) повесть «Роман с кокаином» (далее — РСК), а с другой стороны, Сирин-Набоков, всемирно известный автор множества рассказов, повестей, пьес, романов. Объем текста РСК, подвергаемый проверке, — 45 200 словоупотреблений, а текстов Набокова, которые мы будем с ним сравнивать, — 1 042 200 (по крайней мере, у меня, на самом деле их еще больше), что превышает объем РСК более чем в 20 раз.

Ситуация в целом кажется в чем-то сходной с той, с которой мы сталкиваемся в случае рассмотрения романа Шолохова «Тихий Дон» и так называемой *отслойки* от него — *протекста*, возможно лежавшего некогда в основании (во всяком случае, как его предтекст) и принадлежавшего, по предположениям наиболее многочисленных «антишолоховедев», т. е. сторонников версии «плагиата», донскому писателю Федору Крюкову, умершему в начале 1920 г. Однако дилемма — Набоков или Леви? — все-таки более простой случай по сравнению с «Тихим Доном», так как в нем никакой «отслойки» внутри текста производить не надо — т. е. решать, какие из выражений принадлежат одному, а какие другому автору. Достаточно, кажется, только проверить поэтические средства, которые использовались в повести «Агеевым» и оценить, насколько они совпадут со средствами, которыми пользовался в своих произведениях Набоков — по крайней мере, до 1934 года, т. е. до начала публикации повести (точнее, до 1933-го, когда ее рукопись была послана Агеевым-Леви — из Константинополя в Париж⁷).

Замечу, что по интуитивным ощущениям Струве (да и по моим собственным, пока я не стал разбирать примеры из текста подробно), многие из метафор или уникальных игровых «словечек» Набокова совпадают с метафорами в РСК. Это заслуживает проверки. Ведь, вообще говоря, мистификации Набокову всегда были свойственны. Насыщенность совпадений в тексте РСК с тем или

⁶ Например, слово *шибко* очень часто встречающееся у Агеева в РСК, 24 раза, но оно, по мнению Толстого, «употребляется при этом именно в «зощенковском» значении, как 'очень, сильно', а не, как у Набокова — 'быстро' (там же, с.203). Но у Даля все-таки было такое значение *шибкий*, как 'сильный, резкий'; в современном же языке оба слова с этим корнем стали просторечными — как наречие *шибко* 'сильно, очень', так и прилагательное *шибкий* 'скорый, быстрый' (МАС). Хотя возможно подмеченное различие и характерно для идиолектов Агеева и Набокова.

⁷ Рукопись под названием «Повесть с кокаином» была прислана по почте из Константинополя в феврале 1933 г. в парижский журнал «Иллюстрированная Россия» для участия в конкурсе произведений новых авторов на имя Адамовича. Но ее тогда лишили права публикации, так как произведения подписывались псевдонимом или девизом, о чем автор не позаботился (Рагозина 2000). Отрывки РСК как «Повесть с кокаином» [по-видимому, с авторским названием] были первоначально опубликованы в парижской «Иллюстрированной Жизни» (март 1933), а затем (1 часть) — в журнале «Числа», ну, а в 1936-м она вышла отдельным изданием уже как «Роман с кокаином» (Парфенов 1995: 5).

иным «коронным» выражением Набокова действительно впечатляет (ее еще предстоит досконально оценить будущему исследователю, у меня здесь для этого не хватит ни времени, ни места)⁸. Создается впечатление, будто Агеев специально копирует стиль, подлаживаясь под Набокова. — Так что это, намеренное стилизаторство? Естественно, что сравнивать надо будет только такие элементы текста, которые наиболее характерны для обоих авторов и в то же время наименее общеупотребительны у остальных пишущих на русском языке, а в идеале — вообще никем, кроме них, не употреблялись. Иначе говоря, то, что в окружающем контексте наименее представлено, а у данных авторов совпадает, составляя как бы единый идиолект. Рассмотрим пристальнее эти наиболее похожие метафоры или просто экзотизмы — слова того «вывозного сорта» эмигрантского русского языка, на котором предпочитал писать Набоков и которые как будто наследовал за ним Агеев⁹. — Будем сравнивать их с тем, что имеется в Национальном корпусе русского языка (далее — НК): в нем на сегодняшний момент (фев. 2013) около 229 968 800 слов, что более чем в 200 раз превышает объем рассматриваемых текстов обоих писателей.

О. Никита Струве (Струве 1990) подметил среди множества прочих, например, такие, как он их называет, «разительные совпадения»: у Агеева в РСК кто-то из героев *по-рыбы опускал углы губ*, и у Набокова такое выражение уже было — *по-рыбы открытые рты* — в «Подвиге» (1931–32). Да и позже: *к старческим рыбьим губам* («Приглашение на казнь» 1935–36), всего же — не менее 5 раз: то есть перед нами устойчивая черта его стиля. Но есть пример более раннего использования этого сравнения — причем, в тексте вполне доступном для обоих (Набокова и Агеева как читателей), его находим по НК: *Иволгин так же молча и машинально ловил его за локоть и, как будто молча, бормотал что-то судорожно, по-рыбы открывая и закрывая рот* (Арцыбашев «Ужас» 1905).

00. Другое из «разительных» совпадений: *лицо у него было, от морского солнца, как ростбиф* («Подвиг» 1931–32); *с... пухлыми, цвета ветчины, губами* (М. Агеев «Паршивый народ» 1934¹⁰); *Бэрнес был крупного сложения, светлоглазый шотландец с прямыми желтыми волосами и с лицом цвета сырой ветчины* («Другие берега» 1954) — т. е. у Набокова опять же встречается совпадающее выражение как до, так и после текста Агеева (хотя первое — совпадающее не в точности). Но и у этого выражения находится более точный предшественник: *Это были вполне честные немецкие лица: одинаковые губы цвета ветчины*,

⁸ Струве даже считает, что некоторые метафоры поздних произведений Набокова повторяют метафоры из РСК, которые ранее у Сирина не встречались. Наиболее рискованное его заявление звучит так: что РСК не только стоит на уровне бунинско-набоковского мастерства (так считал Мережковский), но что РСК уже «содержит в себе все темы и все приемы набоковского мастерства» (Струве 1995: 171).

⁹ Или же: написал все-таки сам Набоков, а выдал за написанное — Леви[том]? Или же: первоначально написал Леви[т], а отредактировал — Набоков? и т. д.

¹⁰ Этот рассказ — единственный текст, опубликованный Агеевым, помимо РСК.

глаза вялые, как трава, — медлительные, уверенные в каждом своем движении люди (Г. В. Алексеев «Подземная Москва» 1924).

С другой стороны, упреки, высказанные Зинаидой Шаховской (а еще вдовой Набокова, Верой Набоковой¹¹, и также ранее — В. Ходасевичем): что же у Агеева в тексте встречаются совершенно недопустимые для мэтра-Набокова погрешности языка, вплоть даже до грамматических ошибок вроде *звене́ние рубля; натуживать волю*, — Струве отважно отвергает, объявляя мнимыми, и говорит, что эти погрешности как раз скорее сближают автора РСК с его знаменитым двойником, поскольку Набоков вовсе не классик, а прежде всего — модернист, экспериментатор, и определенный налет безвкусицы, фокусничанья в любом его тексте почти всегда был налицо (Струве 1986: 161–3). Вот это мне кажется вполне заслуживающим внимания (как и сама гипотеза, что под видом чьего-то чужого текста Набоков мог кинуть такой пробный шар, как РСК, где эти «погрешности» просто достигли некоторого максимума). Свое предположение Струве подытоживает так: «Не привез ли Марко Леви с собой в Константинополь рукопись, данную ему Набоковым в Берлине, чтобы отсюда отослать ее в Париж?» (Струве 1986: 175). Иными словами, Набоков мог по каким-то соображениям вступить с Агеевым в сговор, чтобы тот издал рукопись под своим именем. Зачем это было нужно, не будем «вдаваться», оставив выяснение подробностей для любителей. Но в принципе, такой оборот дела кажется допустимым: Набоков захотел опубликовать свою очередную экспериментальную прозу под чужим именем и до самой смерти никому (даже жене) не признался, что авторство в ней принадлежало все-таки ему.

Рассмотрим собственно текстовые, «поэтические» аргументы — как в пользу этой версии, так и в ее опровержение, на тех примерах, которые наиболее сближают два идиостиля. Учтем, что если в случае сравнения Крюкова

¹¹ В своем письме в редакцию газеты «Русская мысль» Вера Набокова категорически утверждала: «Мой муж, писатель Владимир Набоков, «Романа с кокаином» не писал, псевдонимом «М. Агеев» никогда не пользовался, в журнале «Числа», нагрубившем ему в одном из своих первых номеров, не печатался, в Москве никогда не был, в жизни своей не касался кокаина (ни каких-либо других наркотиков) и писал, в отличие от Агеева, на великолепном, чистом и правильном, петербургском русском языке. О слабости русского языка Агеева можно судить не только по слову «шибко» — слову, совершенно недопустимому в серьезном литературном произведении, — но и по таким словам, как «зачихал» в смысле ‘чихнул’ или «использовывать» и тому подобное. Я нарочно не вхожу в рассмотрение примитивности замысла и грубости его выполнения далеко, впрочем, не бездарным господином Агеевым, но не могу не удивляться тому, что Н. Струве, сорбоннский специалист по русскому языку и литературе, мог спутать вульгарный и часто неправильный слог Агеева со слогом тончайшего стилиста В. Набокова» (Волчек 1989). Однако на обложке журнала «Числа» № 10, 1934 красовалась рекламное объявление об участии Набокова в журнале (*В вышедших номерах напечатали оригинальные произведения и ответы на анкету следующие авторы: Г. Адамович, М. Агеев, ..., В. Сири́н*). По поводу кокаина — Струве указывает на рассказ Набокова «Случайность» (1924), где фамилия героя — *Лужин*, которая потом перекоцует в роман «Защита Лужина» (1929): «Не расстроился ли «забытый» рассказ: кокаин перешел к студенту Вадиму Масленникову [главный герой РСК], самоубийство к шахматисту Лужину, невестрача с приезжей из СССР бывшей возлюбленной — к Ганину из «Машеньки»» (Струве 1986: 159).

с Шолоховым мы имели примерно одинаковые по объему массивы текстов, то тексты Набокова значительно превышают текст РсК. И если там стоял вопрос, есть ли в составе «Тихого Дона» фрагменты идиостиля Крюкова, «разбавленные» или растворенные собственноручной правкой текста Шолохова, то здесь следует сформулировать проблему иначе: является ли РсК стилизацией «под» Набокова, выполненной самостоятельным литератором Агеевым-Леви, или же все-таки следует опознать в нем текст самого Набокова? — Ответ почти предопределен, так как существует множество признанных способов проверки по совершенно, казалось бы, независимым критериям (употребление автором предлогов, союзов, частиц, средняя длина слова, предложения, соотношение в нем придаточных итп.), доказывающих, например, что как структура, так и количество вводных оборотов и вводных конструкций (*может быть, впрочем, конечно, вероятно...*) в тексте РсК и в шести русскоязычных романах Набокова, написанных приблизительно в тот же период, сильно не совпадают (Мухин 2001)¹². Есть и иные статистические методы идентификации авторства. Но в случае серьезного редактирования текста, его «обработки», или переписывания своими словами, все они очевидно работать уже не будут, поскольку текст станет отвечать скорее редакторским, нежели авторским нормам словоупотребления.

Устаревшие, архаизированные глаголы (или их значения)

1. *Натуживать* у Агеева — волю, у Набокова — голос (а у других, по НК: мускулы, лицо...) и еще *натуживаться* / *натуженный* / *натуженность*. В РсК — при описании наркотического опьянения: *1. хотя я натуживаю всю силу воли и приказываю рукам двигаться быстро, руки не слушаются* (и совсем рядом в тексте следующие два употребления этого слова). Вероятно, это заимствовано Агеевым — из прочитанных сравнительно недавно романа и повести Сирина, где встретились похожие, с нашей современной точки зрения, архаизмы (или неологизмы). Наиболее яркий пример — в раннем рассказе: *такая грузная боль давила на грудь, такая боль — и ничего не видать, кроме зыбкой лампы, — и в сердце упираются ребра, мешают вздохнуть, — и кто-то, перегнув ему ногу, ломает ее, натужился, сейчас хряснет* («Катастрофа» 1924). Слово повторяется у Набокова 7 раз в разных его текстах, причем некоторые примеры с точным повтором образа, самоповтором, попаданием «один-в-один», а у Агеева мы их не наблюдаем: *Успешно, хоть и медлительно, росъ на балконе круглый, натуженный, седовласый кактусъ* («Отчаяние» 1934) — и через 20 лет: *однажды, в пустыне, где-то в Новой Мексике, среди высоких юкк в лилейном цвету и натуженных кактусов, за мною шла в продолжение двух-трех миль огромная воронья кобыла* («Другие берега»

¹² Сравнение по романам «Король, дама, валет» 1928, «Защита Лужина» 1930–1, «Подвиг» 1932, «Камера обскура» 1932–3, «Отчаяние» 1936 и «Дар» 1937. Это сходно с наличием «статистического» подтверждения авторства Шолохова скандинавскими исследователями под руководством Г.Хьетсо, которое, правда, позднее оспаривалось.

1954)¹³. Кроме того, Набоковские возвратные формы глагола или причастия звучат все же более нормативно, не так резко, как Агеевское *натуживать*.

При этом конечно возможно, что оба, и Набоков и Агеев, черпали, так сказать, просто из языка, порождая вполне независимо каждый свои мелкие отступления от нормы. Ведь и в НК, еще ранее 1924 года: *лишь слабое сравнение с картонной цирковой гирей, ухватясь за которую профан заранее натуживает мускулы, но, вмиг брошенный собственным усилием навзничь, еще не в состоянии понять, что случилось, — может быть уподоблено впечатлению, с каким отступили и разбежались все, едва Крукс поднялся вверх* (А. Грин «Блестящий мир» 1923)¹⁴.

000. Но вот зато таких оставленных улик, явно и исключительно Набоковских словечек, например, как глагол *отпахнуть* (употребляемый вместо *раскрыть* или *распахнуть* — для обозначения открывания двери), у Агеева мы почему-то не находим. Или, скажем, *переглотнуть* (в значении ‘с трудом/судорожно сглотнуть один раз’), который представляет собой совершенно уникальное выражение, своеобразный фирменный знак, или «тавро» Набокова и повторен им 12 раз в 10 текстах! Последний не встречается более ни у кого по НК, и у Агеева его нет. С другой стороны, имеются исключительно Агеевские гапаксы: *зачихнул, опыхивать, отплеснуть* (ну, а также используемые уже другими вместе с ним, но при этом — не Набоковым: *запых, выдыхивать, неизведомый, облаживать*), уникально Набоковских же «следов» в РСК все-таки не находим.

2. Устаревший к середине или даже к началу XX века глагол *поворотить* (глаза / на) / *поворотиться* к (кому или чему-либо) вместо *повернуть/-ся*¹⁵ — употреблен дважды в РСК и множество раз у Набокова, но почему-то уже только после РСК: в текстах, написанных автором на английском, т. е. переводных! Вот у Агеева: 1. *медленно-медленно поворотил изумленно выпученные глаза прямо на Семенова*. И второй раз там же: 2. *Помилуйте, Софья Петровна, — поворотился к ней вместе со столиком Яг*. — В текстах Набокова почему-то этот «вновь архаизированный» глагол возникает только после его

¹³ И еще дважды: *Между тем рыба начинала клевать, — и, пренебрегая удочкой, попросту держа в пальцах лесу, натуженную, вздрагивающую, Василий чуть-чуть подерживал, испытывая прочность подводных судорог, и вдруг вытаскивал пескаря или плотву...* («Круг» 1934); *М-сье Пьер поднимал крепко закушенный стул, вздрагивали натуженные мускулы, да скрипела челюсть* («Приглашение...» 1935–6).

¹⁴ С другой стороны, если посмотреть на частоту именно этой группы слов, т. е. *натужить/натуживать-ся/натуженный*, в целом по НК (а там встречаем 22 употребления — т. е. на весь объем НК, до сегодняшнего дня, 229 968 800 слов, их средняя частота 0,001 промилле), то у Набокова она в 7 раз выше (0,007), а у Агеева — даже в 66 раз (0,066). На мой взгляд, это аргумент в пользу сходства, или даже «единства» двух идиостилей, именно в этом компоненте.

¹⁵ Во всем НК последний глагол встречается почти в 30 раз чаще, чем первый (*поворотить* — 1050 употреблений против 28 000 *поворачивать*) — у Набокова выдерживается такое же соотношение (всего 14 раз против 390, т. е. 1/28), однако если сравнивать по современным текстам, написанным после Набоковских (1966–2012), то это соотношение — еще в 3 раза реже (130 против 11.000, т. е. 1/85).

перехода на английский: 1. *Крестьянин поворотился, поглядел на пустое сиденье и сообщил...* («Под знаком незаконнорожденных», англ. 1947) и там же еще дважды: 2. *потом один поворотился и стал глядеть куда-то вбок*; 3. *Кол поворотился к Кристалсену* (на рус. — в пер. С. Б. Ильина); 4. *спросила, поворотятся в направлении грохота: «Что вы там ищете, Тимофей?»* («Пнин» 1954–5; англ. изд. 1957; в рус. переводах — Б. Носика и С. Ильина¹⁶); 5. *докатился до Тихого Океана; поворотил на север сквозь бледный сиреневый пух калифорнийского мирта, цветущего по лесным обочинам* («Лолита» 1955; русский перевод самого Набокова, 1967); 6. *Не желая быть свидетелем супружеской сцены, я поворотился, чтобы уйти, но она остановила меня* («Бледное пламя» 1962, пер. С. Ильина и А. Глебовской) и там же еще 7 раз. — Но почему это словечко появляется у Набокова только в текстах, написанных после Агеева? Может быть это и надо признать влиянием Агеева? — Тут скорее всего «архаизация» произошла задним числом, была внесена переводчиками, что и сам Набоков принял под их влиянием.

3. Интересен у обоих редкий глагол *промахивать / промахнуть* — в значении (а) 'пройти, проехать, пробежать, пролететь, пронестись, проскочить' <мимо и на большой скорости, возможно даже не заметив — кого-то или чего-либо>. В МАСе *промахивать* в несов. виде образуется только от *промахать* — т.е. 'пройти какое-либо большое расстояние' (б), но не в указанном выше значении (а). В искомом же значении этот глагол фиксирует словарь говоров (СРНГ) — как сов. вид перех. и неперех. (со ссылкой на словарь Академии 1822 и более поздний пример: *Промахнул нас губернатор, поскакал*. Смол. 1914)¹⁷. У Агеева глагол встречается дважды, и первое употребление — как раз в интересующем нас устаревшем значении (а): 1. *Когда промахнули Яр и стала видна вышка трамвайной станции...* А второе довольно странно, не укладываясь ни в одно даже из набора диалектных: 2. *когда, наконец, случайно промахнул по карману, я звякнул в нем ее неиспользованными десятью серебряными пяточками, и тут же вспомнил ее губки...* — т.е. очевидно 'задев, хлопнув, проведя вдоль' (брюк с карманом)? У Набокова этот глагол — как в сов., так и в несов. виде — устойчивый маркер стиля, встречающийся более 15 раз (что более чем в 50 раз превосходит средний уровень по НК), с явным культивированием архаизированного значения (а). Интересно, что глаголов предписываемого словарем сов. вида в этом значении становится у него со временем все меньше¹⁸. Вот «правильные» формы: 1. *Промахнуло восемь столетий: саранчой налетели татары* (Набоков «Кэмбридж» 1921); 2. *Молодой белый пекарь в колпаке промахнул на трехколесном велосипеде: есть что-то ангельское в человеке, осыпанном мукой* («Путеводитель...» 1925); 3. *Макс, не понимая, видел издали,*

¹⁶ Но не в пер. Г. Барабтарло (1983)!

¹⁷ Там же фиксируются не интересные нам значения 'промахнуться' Арх., Хабар.; 'быстро продать ч-л, променять' Перм. и 'упускать, пропускать' ч-л. – Ряз. Хабар.

¹⁸ Напомню, что в МАСе *промахивать* допускается только как несов. к *промахать*.

как промахнули сплошной полосой освещенные окна («Случайность» 1924); 4. Огромное небо, налитое розоватой мутью, темнело, мигали огни, промахнул трамвай и разрыдался райским блеском в асфальте («Сказка» 1926); 5. На берегу где-то заиграли зорю, промахнули над пароходом две чайки, черные как вороны, и с плеском легкого дождя, сетью мгновенных колец прыгнула стая рыб («Машенька» 1926); 6. Промахнула мелкая станция, платформа под черным навесом, и снова стало темно («Король...» 1928).

А вот четыре примера с явным нарушением узуса: 7. А знаешь ли, с каким великолепным грохотом промахивает через мост, над улицей, освещенный, хохочущий всеми окнами своими поезд? («Письмо в Россию» 1925); 8. Изредка, вскрикнув оленьим голосом, промахивал автомобиль («Машенька» 1926) и там же: 9. Сейчас она спит в вагоне, промахивают в темноте телеграфные столбы, сосны, избегающие скаты... — здесь очевидно 'пролетают так быстро, что их на успеваешь рассмотреть'; 10. За ослепительной пустыней площади, по которой изредка с криком, новым, столичным, промахивал автомобиль («Король...» 1928). Вот и это «мо» Набокова Агеев почему-то тоже не подхватывает.

То есть соотношение «правильных» к «неправильным» формам было 6 : 4. А вот после РСК у Набокова складывается почему-то явное предпочтение именно в пользу отклонения от нормативного значения (ниже только последний из примеров — с глаголом в сов. виде) и соотношение меняется на 1 : 5. Вот примеры: 1. Была черная ветреная ночь, каждая несколько секунд промахивалъ надъ крышами бледный лучъ радиобаши, — световой тикъ, тихое безумие прожектора («Отчаяние» 1934); 2. Гремел телефон, промахивал, развеваясь, метранпаж, театральнй рецензент всё читал в углу прибудную из Вильны газетку («Дар» 1937–8); 3. с новым, беспокойным любопытством я взглянул на мостовую, на белый ее покров, по которому тянулись черные линии, на бурое небо, по которому изредка промахивал странный свет («Посещение музея» 1938); 4. Она гремела по асфальту среди других, сильно наклоняясь вперед и в ритм качая опущенными руками, промахивала с уверенной быстротой, ловко поворачивалась, так что перехлест юбки обнажал ляжку («Волшебник» 1939); 5. видишь скучного начальника небольшой станции, стоящего в одиночестве на платформе, мимо которого промахивает твой поезд («Другие берега» 1936–67); 6. Автомобиль семейного типа выскочил из лиственной тени проспекта, продолжая тащить некоторую ее часть с собой, пока этот узор не распался у него на крыше, за край которой держался левой рукой, высунутой из окна, полуголый водитель машины; она промахнула идиотским аллюром («Лолита» 1955–65).

В целом и в НК форма этого глагола несов. также встречаются, но всего лишь однажды, у Александра Малышкина: Но тут же за путями проступали кирпично-красные тылы заводов, окраины, утопающие в индустриальной мгле, за березами промахивали голенастые железные конструкции электросети; чужлось невдалеке разноцветное и могучее возбуждение Москвы («Люди из захолустья» 1938). — Но здесь, в свою очередь, логично подозревать заимствование у Набокова.

Необычные сочетания или измененные внутри сочетания значения слов

4. Глагол *зжмуриться* / *зжмуриться* встречается в текстах Набокова 50 раз, а в РСК — 4 раза, где находим одно уникальное (три остальные употребления вполне нормативны) — когда герой неожиданно встречает свою возлюбленную: *Я переступил порог. И вдохнув сырой и душистый сумрак, — вдруг мысленно зазжмурился от внутреннего и страшного удара: в магазине стояла Соня.*

Сочетания *мысленно зазжмурившись* у Набокова нет. Пропуская все более или менее нормативные употребления глагола, укажу наиболее метафорические. Во-первых, в переходе от «зжмуренного» поцелуя к целиком уже «зжмуренной» — душе: 1. *Он давал себя укачивать, баловать, щекотать, принимал с зазжмуренной душой ласковую жизнь, обволакивавшую его со всех сторон* («Защита...» 1929–30). Повтор того же в «Даре»: 2. *Федор Константинович старался сосредоточиться, представить себе недавнюю теплоту их живых отношений, но душа не желала шевелиться, а лежала, сонная и зазжмуренная, довольная своей клеткой* («Дар» 1937–38)¹⁹. А в следующем примере отсюда же можно при желании увидеть влияние Агеева на Набокова: *лежа неподвижно и даже не жмурясь, я мысленно вижу, как моя мать, в шенишлях и вуали с мушками, садится в сани* («Дар»). Этот пример как раз в тексте более позднем, чем РСК, так что его можно засчитать в пользу гипотезы Струве. И все-таки он не «дотягивает» до *мысленно зазжмуриться*. Зато у Набокова возникает еще более смелый неологизм — словечко *разжмуривать*: 1. об открытом новом номере журнале — *Илья Борисович хотел распахнуть один из них, книга сладко хрустнула, но не разжмурилась — еще слепая, новорожденная* («Уста к устам» 1929); 2. *Все слилось окончательно, но он еще на один миг разжмурился, оттого что зажегся свет, и Родион на носках вошел, забрал со стола черный каталог, вышел, погасло* («Приглашение...» 1935–36). И еще раз: 3. *Девочка во сне вздохнула, разожмурился пупок, и медленно, с воркующим стоном, дыхание выпустила* («Волшебник» 1939). Агеев же его не использует. Но и этот неологизм в НК все-таки не уникален: он встречался ранее, согласно — у Жаботинского, Замятина и А. Белого.

5. Набоков использует глагол *целиться* для описания такого специфического действия, когда человек только прикидывает, примеривается, готовится что-то сделать. В таких случаях обычно говорят *нацелиться* (+ инф.) или *нацелиться на* (что-то), уподобляя всю ситуацию прицельному метанию или стрельбе в цель. Этому словоупотреблению следует Агеев в единственном примере: 1. *Нелли, которая, с лицом внезапно заболевшего человека, в нетерпении то опускалась локтями на стол, то снова выпрямлялась, при этом не спуская глаз с Хирге, словно прицеливалась, откуда лучше откусить: сверху или снизу.* У Набокова же элементы этой конструкции (или целого фрейма) с глаголами

¹⁹ Именно такого рода «дуплеты», повторы один в один, на мой взгляд, отчетливее всего и выдают единого автора.

целиться / прицелиться / попасть / промазать повторяются во множестве текстов — в целом более 10 раз (6 раз до РсК и еще 5 одновременно или после него). Вот только два из них: 1. о Подтягине, который от сердечного приступа падает в обморок — *Старик мутно глянул на него, сделал движение рукой, как будто целился на муху, и вдруг с легким клетком зашатался, повалился вперед* («Машенька» 1926) — то есть, видимо, старик так наклонил голову, что можно было подумать, будто он хочет *поймать* (или *хлопнуть*) севшую муху. Тут, кстати, и характерное Набоковское подтрунивание, даже издевательство над таким героем, большим стариком, к которому принято выражать сочувствие, и языковое нарушение: по МАС, *целиться на ч-л.* — это ‘направлять свои действия на к-л. цель, метить’, но все-таки ведь не на такую конкретную цель, как муха! Еще пример — с действием уже без обозначения первого компонента как такового (*целиться*), зато с ответной на него реакцией, позволяющей его идентифицировать (такой как *попал* или *не попал*): герой рассказа кивает кому-то в толпе в знак приветствия, чтобы получить такой же кивок в замен, но получает ответ уже совсем от другого человека, которого и не думал приветствовать, метафорически это уподоблено стрельбе в цель. *Он увидел, среди чужих, некоторые знакомые лица, — вон Кочаровский — такой милый, круглый, — кивнуть ему... кивнул но не попал: перелет, — в ответ поклонился Шмаков* («Музыка» 1932). Но и этого метонимического развития ситуации у Агеева опять же не происходит.

Специфическая метафоричность

6. Вот иллюстрация того, что Струве пронциательно назвал «динамизацией источника света» у Набокова: *На улице асфальт отливал лиловым блеском; солнце путалось в колесах автомобилей* («Машенька» 1926). Как будто похуже встречаем и у Агеева: *На балконе от заходящего, выпуклого как желток сырого яйца, солнца, хоть и зацепившего за крышу, однако видимого целиком, словно оно прожигало эту крышу насквозь, — лица стали махрово-красными.* Но и в НК находим, с одной стороны, еще более сходное с примером Набокова: *В грузной синеве золотым пылающим колесом ярилось промытое талыми ветрами солнце* (Б. Лавренев «Сорок первый» 1924). А с другой стороны, на мой взгляд, более сходное с примером Агеева: *В шестом часу утра, — когда солнце чуть пробует зацепиться красноватыми лучиками за шпили московских церквей, <...> с ходынского аэродрома выехала извозчицья пролетка с поднятым верхом* (Г. В. Алексеев «Подземная Москва» 1924). С третьей же стороны, еще один возможный источник фразы Агеева — это ранние издания 2-й части «Тихий Дона» (1928): (2:21 — в рук., с.96) *болтался в синеватой белеси неба солнечный желток.* Согласно (Гура 1960: 137), Шолохов был «склонен изобретать вычурные сравнения». После 1947 это место было исправлено на вполне нейтральное: *плыло в синеватой белизне неба солнце.* Возможно также заимствование и из более близкого к РсК по времени текста (в свою очередь взятое скорее всего у того же Шолохова): *И хотя в небе полное, как желток в эмалевой сковороде,*

лежало солнце, до настоящей весны было еще далеко (Л. Леонов «Скутаревский» 1930–1932)²⁰.

7. Для Набокова характерно постоянное пристальное внимание к **музыке** — при несколько шутливом к ней отношении. Сам писатель заявлял, может быть, демагогически, что в музыке ничего не смыслит. К примеру, арфа у него предстает — как нога страуса: 1. *Когда мы вошли в кафе, там играл дамский оркестр; я мимоходом заметил, как в одной из граненых колонн, облицованных зеркалами, отражается страусовая ляжка арфы* («Весна...»); а оркестр арфисток (там же) — как группа ткачих за работой: 3. *оркестр из полудюжины прядущих музыку дам* (к тому же не знающих, по его выражению, куда девать грудь, лишнюю в мире гармонии). Ну, или ветер — как дирижер оркестра: 4. *норд-ост, рассыпающий ноты оркестра в городском саду* («Машенька»). Нечто подобное «птичьим» у Набокова образам для арфы или рояля встречаем и в РСК: *И тотчас раздалась тоненькие звуки и такие разрозненные, словно курица гуляла по арфе*. Однако точного подобия здесь нет.

Возможное мелкое «заимствование» у Набокова в следующем примере из РСК: *Яг, через гулкую залу, где кресла, рояль и люстра были в белых чехлах, провел нас в свою комнату*. Однако все же «лошадиной» метафоры тут у Агеева нет — такой, какая была у Набокова: *отец, осторожно прикоснувшись губами к его хохолку, уходил, — мимо позолоченных стульев, мимо обширного зеркала, мимо копии с купающейся Фрины, мимо рояля, большого безмолвного рояля, подкованного толстым стеклом и покрытого парчовой попоной* («Защита...» 1929–30). Т.е. «первоисточник» выглядит гораздо более поэтично. Тот же образ, кстати, с авторским самоповтором, встретится у Набокова и еще через полтора десятка лет: *ты перешла крыльцо; остановилась; локтем мягко открыла стеклянную дверь; миновала чепраком покрытый рояль, пересекла вереницу прохладных, пропахших гвоздикой комнат* («Под знаком...» 1947).

Герой в повести Агеева: 1. *сел на кончик стула, поставив графин себе на колени и держал его за горлышко — совсем как отдыхающий скрипач...* Тут же метафора звукового ряда как бы уступает сравнению со зрительным образом: 2. *Как раз, когда я протиснулся в зал, скрипач, уже со скрипкой, вставленной под подбородок, торжественно поднял смычок и, привстав на цыпочках и подняв плечи, — вдруг опустился, и (движением этим рванув за собой пианино и виолончель) заиграл*. И у Набокова много «музыкальных» сравнений, метафор с каламбурами и контаминациями, игрой на фразеологии, как, например: *бритое лицо музыканта, державшего почему-то телефонную трубку, как скрипку, между щекой и плечом* («Защита...» 1929–30). — Возможно Агеев в приведенном выше примере и вдохновлялся этим, но повтора в точности Набоковского сравнения там не было, а у последнего не было повторов Агеева.

²⁰ Но также сама метафора солнца как *желтка* была и в ранних стихах — у Эренбурга, Зенкевича (как раз у Набокова этой последней грубоватой метафоры не встречалось).

8. Попытаемся теперь подвести примеры обоих авторов под единый «образец» словосочетания (как это было сделано в Михеев 2012): *Провода* (телеграфные / телефонные / столбы / проволоки) + (как канаты // струны) + (взмывать / взлетать / взмах / взлет // стоять). У Агеева под этот образец ложится пример: *В такой жаркий московский вечер, когда падает первый снег, когда щеки в брусничных пятнах, а в небе седыми канатами стоят провода.* А у Набокова ему соответствует сразу несколько примеров (это опять-таки устойчивый маркер его стиля): 1. *В окно, сквозь стеклянную дверь в проход видать было, как взмывают ровным рядом телеграфные струны* («Случайность» 1924) и там же 2. *Черный телеграфный столб пролетел, перебил плавный взмах проводов;* 3. *Он лег навзничь на полосатый тюфяк лавки и в проему дверцы видел, как за коридорным окном поднимаются тонкие провода среди дыма горящего торфа и смуглого золота заката* («Машенька» 1926); 4. *Мартынъ нашелъ все, что любилъ — телеграфные столбы, обрывающіе взлетъ проводовъ, вагонъ-ресторанъ* («Подвиг» 1931–32). Все четыре примера Набокова — из текстов предшествующих РСК, а после него этот образ у него почему-то пропадает. Хотя более близких данному образцу примеров, чем в РСК, во всем НК найти мне не удалось, но все же расхождение образов у Агеева и Набокова налицо: у последнего (по Струве) вместо статичной формы сравнения оказывается динамичная: *провода*, или *столбы*, на которых висят *провода*, не просто *стоят* как натянутые *струны*, но — *взмывают*, *поднимаются* или *взлетают*, так как герой движется, едет в поезде.

9. И последний пример: проверим соответствие образцу — *дверь, сосущая воздух*. У Агеева: *я же, сбегав по уже опустевшей лестнице и открывая тугую, шумно сосущую воздух дверь, хоть и оглянулся и посмотрел на мать, однако, сделал это не потому вовсе, что мне стало ее сколько-нибудь жаль, а всего лишь из боязни, что она в столь неподходящем месте расплачется.* Почти тот же образец встречаем и у Набокова, но в тексте, написанном позднее РСК («Весна в Фиальте» 1936): *и от нашего сквозняка всосался и застрял волан белыми даями вышитой кисеи промеж оживших половинок дверного окна, вышедшего на узенький чугунный балкон, и лишь тогда, когда мы заперлись, они с блаженным выдохом отпустили складку занавески.* — Мог ли тут уже сам Набоков «вдохновиться» образом Агеева (надо признать, более «топорным»), и доработав его по-своему, превратить — в «сквозняк», пронизывающий отношения героя и его легкомысленной возлюбленной? В НК наиболее близок этому образу оказывается пример из Булгакова: *Сосущая с тихим змеиным свистом воздух пружина-цилиндр на железной двери выпускала меня* («Театральный роман» 1936–1937).

Подведем итог. В самом деле, некоторая вероятность того, что «Роман с кокаином» первоначально был написан Набоковым, все же остается, но — самая минимальная. Практически во всех случаях, когда повтор уникального идиостилистического приема у Набокова вслед за Агеевым интуитивно кажется очевидным, при ближайшем рассмотрении оказывается, что или сам

прием не уникален (а «изобретен» и использован кем-то еще, ранее их обоих), или же точного «копирования» его Набоковым не происходит — он всегда его как-то развивает или деформирует. Когда же, наоборот, прием вначале был употреблен Набоковым, еще до РСК, то и его точного копирования у Агеева тоже не происходит, такого, которое было бы похоже на самоповтор. Ну, а доказывать, что диапазон экспериментирования со словарем у Набокова в несколько раз шире, чем у Агеева, излишне.

(Замысел этой работы обязан своим возникновением возвращению с «Диалога-2012» и поездке автора в одной машине — с Еленой Гришиной и Светланой Савчук, которым моя искренняя благодарность.)

Литература

1. Агеев 1934 — Агеев М. Паршивый народ // Встречи. Париж, апрель 1934, с. 161–7.
2. Агеев 1936 — Агеев М. Роман с кокаином. Париж: Издательская коллегия парижского объединения писателей, 1936.
3. Агеев 1990 — Агеев М. Роман с кокаином. М. 1990.
4. Агеев 2000 — Агеев / Марк Леви. Роман с кокаином. М.: Согласие, 2000.
5. Волчек 1989 — Дмитрий Волчек. Загадочный господин Агеев // Родник, 1989.
6. Гура 1960 — Гура В. В. Жизнь и творчество М. А. Шолохова. М. 1960.
7. Михеев 2012 — М.ШОЛОХОВ или все-таки — Ф.КРЮКОВ? Неформальные процедуры при установлении авторства «Тихого дона» // Диалог. Международная конференция по компьютерной лингвистике. М. 2012.
8. Мухин 2001 — Мухин Н. Ю. Кто написал «Роман с кокаином»? Опыт лингвостатистического исследования. Екатеринбург, 2001.
9. Рагозина 2000 — Ксения Рагозина. Детектив с романом // Русский журнал. Предисловие к книге: М. Агеев / Марк Леви. Роман с кокаином. — М.: Согласие, 2000 [Дата эл. публикации: 23.3.2000].
10. Парфенов 1995 — Мишель Парфенов. М. Агеев (1898–1973). Загадка в пяти действиях // М. Агеев. Роман с кокаином и Паршивый народ. Париж 1995.
11. Струве 1986 — Никита Струве. Спор вокруг В.Набокова и «Романа с кокаином» // Вестник РСХД. Париж 1986 № 146.
12. Струве 1990 — Никита Струве. Роман-загадка [в предисловии к книге] // Марк Агеев. Роман с кокаином. М. 1990.
13. Струве 1995 — Никита Струве. Еще об авторстве «Романа с кокаином» // Вестник РСХД. Париж 1995 № 172.
14. Суперфин, Сорокина 1994 — Суперфин Г. Г., Сорокина М. Ю. «Был такой писатель Агеев...» Версия судьбы, или о пользе наивного биографизма // Минувшее. СПб. Вып.16. 1994.
15. Толстой 1995 — Иван Толстой. Тропью трóпа, или почему Набоков не был автором «Романа с кокаином» // Звезда 1995 № 3.

References

1. *Agejev* 1934 — Agejev M. Parshyvyj narod // *Vstrechi*. Paris 1934, p.161-7.
2. *Agejev* 1936 — Agejev M. Roman s cocainom. Paris, 1936.
3. *Agejev* 1990 — Agejev M. Roman s cocainom. Moscow, 1990.
4. *Agejev* 2000 — Agejev / Marc Levi. Roman s cocainom. Moscow, 2000.
5. *Gura* 1960 — Gura V. V. Zhizn' i tvorcestvo M.A.Cholohova. Moscow, 1960.
6. *Miheev M. Ju.* Cholohov ili Krjukov? (...) 2012, available at <http://www.dialog-21.ru/digest/2012/?type=main>
7. *Muhin* 2001 — Muhin N. Ju/ Kto napisal "Roman s cocainom"? Opyt lingvostatisticheskogo issledovanija. Ekaterinburg, 2001
8. *Ragozina* 2000 — Xenija Ragozina/ Detektivy s romanom // *Russkij zhurnal*. Moscow, 2000
9. *Parfenov* 1995 — Mishel' Parfenov. M. Agejev (1898–1973). Zagadka v 5 dejstviah // M. Agejev. Roman s cocainom i parshyvyj narod. Paris, 1995.
10. *Nikita Struve* 1986 — Nikita Struve. Spor vokrug V.Nabokova... // *Vestnik RSHD*. Paris, 1986 № 146.
11. *Nikita Struve* 1995 — Nikita Struve. Roman-zagadka // Agejev M. Roman s cocainom. Moscow, 1990.
12. *Nikita Struve* 1995 — Nikita Struve. Eshcho ob avtorstve... // *Vestnik RSHD*. Paris, 1995 № 172.
13. *Superfin, Sorokina* 1994 — Superfin G. G., Sorokina M. Ju. "Byl takoj pisatel' Agejev..." Versija sud'by, ili o pol'ze naivnogo biografizma // *Minuvsheje*. SPb. Vyp.16, 1994.
14. *Tolstoj* 1995 — Ivan Tolstoj. Tropoju tropa, ili pochemu Nabokov ne byl avtorom "Romana s cocainom" // *Zvezda* 3, 1995.
15. *Volchek* 1989 — Dmirtij Volchek. Zagadochnyj gospodin Agejev // *Rodnik*, 1989.